

18+

ШЁПОТ В ЧАШЕ

REVENANT CREED

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Revenant Creed

Шёпот в чаще

«Автор»

2026

Creed R.

Шёпот в чаще / R. Creed — «Автор», 2026

«Лес помнит всё. Каждый крик, каждый шёпот, каждый последний вздох. Иногда он запоминает страх неправильно — не как тень, а как форму. И тогда из мха, глины и сломанных костей рождается голод». Мать зайчат сказала «обещаю» — и ушла в чащу за лекарством для младшей сестры. А потом в дверь постучали. Пушин всегда умел слушать. Слышать то, что другие пропускают — ложь в слишком ровном голосе, страх за маской бравады, смерть в прерывистом дыхании. В ту ночь он услышал перезвон. Нежный. Мелодичный. Страшный. Шипозвон пришёл не за ним. Он пришёл за всеми. Это история о том, как лес собирает свою жатву. О матерях, которые не могут защитить. О детях, которые выживают, чтобы помнить. И о звуке, который никогда не умолкает внутри — между ударами сердца. Всё, что ты любишь, может умереть за одну ночь. Вопрос не в том, сможешь ли ты это пережить. Вопрос в том, что останется, когда перезвон стихнет. Мрачное лесное фэнтези. Кровь. Колыбельные. И тишина после крика.

© Creed R., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление и глава 1	5
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Revenant Creed

Шёпот в чаше

Вступление и глава 1

ВСТУПЛЕНИЕ ОТ АВТОРА

Перед тем как вы перевернёте страницу и войдёте в лес, я должен кое-что сказать.

Вы держите в руках не сказку. Не притчу. Не историю с моралью, которую можно пересказать детям перед сном, если убрать самые страшные куски.

Это — предупреждение.

Лес, о котором пойдёт речь, не выдуман. Он растёт внутри каждого из нас. В тех темнотах, куда мы не заглядываем по утрам, пока пьём чай и делаем вид, что всё в порядке. В тех местах, где прячутся обещания, которые мы не можем сдерживать. И страхи, которые мы не умеем называть.

Меня часто спрашивают: «Почему такая жестокость? Зачем так подробно?»

Я отвечу. Потому что природа жестока. Жестока без злобы, без наслаждения, без цели. Она просто такая. Волк не ненавидит зайца — он голоден. Мороз не мстит птенцу — он просто холоден. Болезнь не выбирает — она приходит, и всё.

Человек — единственный, кто убивает со смыслом. Кто придумывает оправдания. Кто говорит «я люблю» и «я обещаю» в одной фразе, а в следующей уже заносит нож.

Лес честнее.

Шипозвон не лжёт. Он не обещает — он берёт. Он не ненавидит — он собирает. Он — зеркало, в котором мы видим не то, чем хотим быть, а то, чем становимся, когда страх выедаёт нас изнутри.

В этой истории выживет только один. Это не спойлер. Это закон леса.

Я расскажу вам о матери, которая оставила своих детей ради обещания. О детях, которые верили в правила. О госте, который не знает пароля, но знает всё остальное.

Я расскажу о перезвоне. О том, как тишина становится густой и липкой. О том, что смерть не всегда приходит с рёвом — иногда она напевает колыбельную.

И когда вы закроете книгу — прислушайтесь.

Если внутри, между ударами вашего сердца, вы услышите тихий, костяной звук — чжинь-чжинь-чжинь — не бойтесь.

Это просто лес напоминает: вы живы. Пока вы слышите — вы живы.

А теперь — входите в чашу. Она уже ждёт.

Автор: Revenant Creed

18+ Дисклеймер 18+

Книга содержит детализированные сцены жестокости и насилия, включая смерть детей, описание физических страданий, крови и увечий. Рекомендуется только для взрослых читателей с устойчивой психикой.

ГЛАВА ПЕРВАЯ: УТРО, КОТОРОЕ НИЧЕГО НЕ ОБЕЩАЛО

Лайнора сказала «обещаю».

Пушин сидел в углу, прижавшись спиной к тёплому боку печи, и смотрел, как мать завязывает бант Корделии. Пальцы у Лайноры дрожали. Всегда дрожали по утрам, но сегодня — сильнее. Будто она грела их над чем-то невидимым. Будто в её груди горела своя, отдельная печь, и топливом для неё была тревога.

«Обещаю», — повторила она, и это слово повисло в воздухе, как капля смолы на сосновой ветке. Тяжёлое. Прозрачное. И такое же липкое.

Лайнора никогда не обещает. У них в доме запрещённых слов больше, чем в лесу ядовитых грибов. Нельзя говорить «волк» за ужином — Феннек потом не спит. Нельзя говорить «пожар» — Хэзел начинает пересчитывать ведра с водой. А «обещаю» — самое страшное. Потому что лес не спрашивает, что ты там кому обещал. Лес просто ждёт.

Но сегодня она сказала. Ради Сноу. Ради маленькой, белой, кашляющей Сноу, которая сидела у печи, закутанная в мамин платок, похожая на выпавшего из гнезда птенца.

— Сегодня дойду до старой ивы, — сказала Лайнора, и её голос звучал так, будто она сама себя уговаривала. — У неё серёжки серебристые. Из них отвар — лучшее лекарство.

Сноу кивнула. Она всегда кивает. Она редко говорит, потому что после каждого слова ей нужно откашляться. Но в её глазах — огромных, тёмных, как осенняя лужа — мать увидела то, что не было сказано: «А если не дойдёшь?»

Лайнора увидела это тоже. Потому она и сказала «обещаю».

Пушин отвёл взгляд. Он не умел смотреть на мамино лицо, когда она врала себе.

Их дом был раковиной. Снаружи лес дышал, царапал стены корнями, пробовал на зуб ставни. Внутри — мамино сердце. Оно стучало громче песочных часов. Оно сбивалось с ритма каждый раз, когда Корделия дышала слишком глубоко — значит, задумала очередную глупость. Оно замирало, когда Сноу кашляла. Оно колотилось где-то в горле, когда Брайр точил нож слишком близко к столу.

Пушин это слышал. Не ушами — тем местом, которое мать называла «нутром». Тем, которое у зайцев отвечает за то, чтобы вовремя почуять волка, почувствовать лису за поворотом, уловить страх в голосе соседа, когда он говорит, что всё хорошо.

И в то утро его нутро кричало: «Не пускай её. Не сегодня. Лес ждёт».

Но Пушин молчал.

Потому что если бы он мог остановить мать каждым своим страхом — она никогда бы не выходила за порог. Она бы сидела с ними вечно. И они бы все умерли с голоду.

Корделия полезла на полку за вареньем. Пушин услышал скрип половицы за секунду до того, как её лапа коснулась банки.

Лайнора даже не обернулась.

— Корделия, — сказала она, нарезая хлеб. Голос — спокойный, ровный, как нитка, натянутая между двух сосен. — Три секунды. Спускайся. Задницей вперёд.

— Я просто хотела помочь! — Корделия замерла на полпути. — Ты же сама говорила: варенье кислое, надо съесть до зимы...

— Помогают с пола, — Лайнора положила нож. — С пола видно всё, что нужно. А с полки — только то, как ты падаешь. Слезай.

Корделия прыгнула. Неохотно. С громким топотом, который должен был обозначать протест.

Лайнора подошла к ней, провела ладонью по рыжеватым вихрам дочери, поправила бант. Жест — резкий, хозяйский. Но пальцы на щеке задержались на секунду дольше, чем нужно.

— Бантик криво завязала, — сказала Лайнора тихо, почти шёпотом. — Кто тебя так учил?

— Ты, — буркнула Корделия. — В прошлый вторник.

— Значит, плохо учила, — Лайнора перевязала бант. — Давай заново.

На кухне было тесно от семерых. Тесно от запаха каши, которую Лайнора варила на коре вяза — она говорила, что от неё шерсть густеет к зиме. Тесно от звуков: Хэзел бормотала свои цифры, водя пальцем по дощечке с нацарапанными столбцами; Феннек под столом жонглировал шишками; Брайр сидел на пороге и водил ножом по точильному камню, издавая противный скрежет, от которого у Пушина сводило зубы.

Обычное утро. Такое же, как сотни других.

Но внутри зайчонка что-то дрожало. Как паутина на ветру. Как последний лист на ветке, который уже оторвался, но ещё не упал.

— Камень тупой, — проворчал Брайр, разглядывая лезвие. — Нож нормальный, а камень — дрянь.

— Камень в сарае, — Лайнора даже не подняла головы. — Под верстаком. Тот, с чёрными прожилками. Его дед с Утёса приволок — он любой металл заточит. Иди.

— Я же вчера точил!

— Вчера ты точил совесть, — Лайнора поставила миску с кашей на стол. — Сегодня — нож. И по пути глянь западную стенку. Там старый корень скрипит. Если скрипит — значит, шевелится.

— Может, это просто ветер? — Брайр не двинулся с места.

Лайнора посмотрела на него. Долго. Без моргания.

— Ветер не роет, — сказала она. — Пожалуйста.

Это слово — «пожалуйста» — прозвучало как приказ. Брайр сглотнул, сунул нож за пояс и вышел. Пушин видел, как напряглась его спина. Он ненавидел, когда мать была права.

Хэзел подняла голову от своих расчётов. В её берёстовых очках отражался огонь из печи.

— Если вероятность дождя семьдесят два процента, а сбор ягод занимает три часа, то оптимальное время выхода — за двадцать минут до рассвета, — сказала она, обращаясь непонятно к кому. — Но мама сказала, что грибы в этом году...

— Хэзел, — Лайнора поставила перед ней кружку с чаем. — Цифры никуда не убегут. Сбегай к ручью.

— Я вчера сбегала, — Хэзел не оторвалась от дощечки. — Уровень — три черты. Дождей не было, испарение стандартное, значит, сегодня должно быть две и семь десятых.

— Значит, проверь, сколько на самом деле, — голос Лайноры оставался ровным. — Потом сверишь с теорией.

Хэзел наконец подняла глаза.

— Я доверяю твоим глазам больше, чем ручью, — добавила Лайнора.

Хэзел помолчала. Потом кивнула, взяла кружку и направилась к двери. На пороге остановилась.

— Ручью нельзя доверять, — сказала она тихо. — Он течёт.

— Поэтому ты у меня есть, — ответила Лайнора.

Феннек выбрался из-под стола и на цыпочках, изображая тигрицу, крадущуюся за добычей, потянулся к лепёшкам на краю стола. Он был уверен, что его никто не видит. Пушин видел. Лайнора — тем более.

— Феннек, — сказала она, по-прежнему не глядя. — Воровство — это когда берут чужое и прячутся. Попроси — и это будет подарок. Чувствуешь разницу?

Феннек замер с вытянутой лапой. Его уши дрогнули.

— Мам, дай лепёшку? — спросил он, изо всех сил изображая невинность.

— Для кого?

— Для Пушина! — Феннек указал на брата с таким видом, будто только что спас мир. — Он вон какой худой. Ему силы набираться надо.

Лайнора отломил кусок лепёшки. Посмотрела на Феннека. В уголках её губ обозначилась тень улыбки — редкий гость на её лице в последнее время.

— Неси брату, — сказала она. — И проследи, чтобы этот кусок встретился с его желудком, а не с твоим по дороге.

— Встретятся! — Феннек схватил лепёшку и вылетел из кухни. — Обязательно встретятся!

Лайнора посмотрела ему вслед. Улыбка погасла.

Потом она подошла к печи, опустилась на корточки перед Сноу, взяла её ладони в свои. Ладони у Сноу были горячими и лёгкими — как у птицы. Как будто внутри у неё горел огонь, который сжигал её по чуть-чуть каждую ночь.

— Снежинка моя, — сказала Лайнора. — Сегодня я дойду до старой ивы. Её серёжки — лучшее лекарство. Ты выпьешь отвар — и хворь уйдёт. Она испугается и уйдёт.

— А ты не испугаешься? — спросила Сноу шёпотом, почти беззвучно.

Лайнора посмотрела ей в глаза. В её взгляде была бездна. Тёмная вода на дне колодца. И своё отражение.

— Я боюсь только одного, — сказала Лайнора. — Что не успею. Но сегодня успею. Обещаю.

Она сказала это снова. Второй раз за утро.

Пушин зажмурился.

Когда он открыл глаза, мать уже стояла посреди кухни, обводя взглядом всех детей. Считала. Как будто боялась, что кого-то не хватает.

Но все были на месте. Все живы. Пока.

Вечером Лайнора рассказала сказку.

Дети сидели за столом — все семеро. Лайнора поставила похлёбку из сушёных грибов, и пар от тарелок поднимался к потолку, смешиваясь с дымом из печи. За окнами темнело. Лес затихал — не мирно, а настороженно, как зверь, который прилёг отдохнуть, но не закрыл глаза.

— ...и тогда Лунный Заяц посмотрел на Волка и говорит: «Ты сильный, это правда, — голос Лайноры был ровным, тёплым, как одеяло из шерсти. — Но я быстрее. И я знаю все тропы на небе, а ты — только на земле».

Корделия, которая уже успела испачкать морду похлёбкой, подняла голову:

— А у Зайца была мама?

— У всех есть мама, — Лайнора посмотрела на дочь. Взгляд — мягкий, но с чем-то ещё. С чем-то, что Пушин не мог распознать. — Даже у Лунного Зайца. Просто она осталась на земле. Смотрела на него каждую ночь и шептала: «Свети, сынок. Я вижу».

Тишина повисла над столом. Хэзел поправила очки. Брайр вертел нож в лапах. Феннек перестал жевать. Сноу прижалась к Пушину боком — горячим, лёгким.

Пушин почувствовал, как у матери задрожали веки.

А потом песочные часы щёлкнули — последняя крупинка упала — и Лайнора встала.

Вся мягкость ушла. Остался каркас. Кость. Решимость.

— Время, — сказала она, и это слово прозвучало как выстрел.

Дети замерли. Даже Феннек.

— Мне нужно к старой иве, — Лайнора говорила быстро, отрывисто, как будто боялась, что если замедлится, то не сможет закончить. — Вернусь до полной темноты. Повторяйте правило.

Хэзел вскочила, вытянулась по струнке, как на смотре:

— Дверь на запоре. Окна на крючке. Пароль — песня про одуванчиковое поле. Никому не открывать, пока песня не прозвучит полностью и правильно. Без ошибок.

— Именно, — Лайнора кивнула. — Брайр — никакой самостоятельности. Корделия — никакого лазанья. Феннек — никаких шуток с дверью. Сноу — твоё место за печкой, помнишь? Сноу кивнула.

— А ты, Пушин... — Лайнора подошла к нему. Положила ладонь на плечо. Пальцы были ледяными. — Ты слышишь то, чего не слышат другие. Доверяй уху. Если что-то не так — кричи. Не думай, не сомневайся. Кричи так, чтобы я услышала за версту.

— Буду слушать, мама, — сказал Пушин, и его голос прозвучал чужим. Слишком тонким. Слишком дрожащим.

Лайнора посмотрела на него. На долю секунды ему показалось, что она передумает. Что снимет плащ, сядет на своё место у печи и скажет: «Ладно, отложим до завтра». Но она не сказала.

Она обвела взглядом всех детей — быстро, жадно, как будто хотела запомнить каждую мордочку, каждую царапину на ухе, каждую рыжину в мехе.

— Вы — мои четыре лапы, — сказала она. — Мой хвост. Мои уши. Моё сердце. Я без вас — не целая.

Она взялась за дверную ручку.

— Я вернусь. Обещаю.

И вышла.

Дверь закрылась с тихим, но окончательным щелчком.

«Обещаю», — эхом отозвалось в голове у Пушина.

«Обещаю», — прошептал лес за окном.

«Обещаю», — застонала половица под его лапами.

Он стоял посреди кухни и слушал, как мамины шаги удаляются по тропинке. Раз. Два. Три. Четыре. На одиннадцатом они растворились в шуме ветра.

— Ну что, — сказал Брайр, нарушая тишину. — Чего встал? Помогай стол убирать.

Пушин не ответил.

Он слушал лес. Тот молчал.

Но в этом молчании было что-то неправильное. Что-то такое, от чего у зайчонка поднималась шерсть на загривке, а внутри — там, где мать называла «нутром» — разгорался холодный, липкий страх.

Лес никогда не молчит по-настоящему. Когда он молчит — он ждёт.

Вопрос только: чего?

Глава 2

18+ Дисклеймер 18+

Книга содержит детализированные сцены жестокости и насилия, включая смерть детей, описание физических страданий, крови и увечий. Рекомендуется только для взрослых читателей с устойчивой психикой.

ГЛАВА ВТОРАЯ: ТИШИНА ПЕРЕД ПЕРЕЗВОНОМ

Ожидание оказалось не пустотой. Оно стало плотной, тяжелой субстанцией, которая заполнила всё пространство, вытесняя воздух, свет, звуки. Она текла по венам вместо крови, и от этого каждый удар сердца отдавался в висках глухим, болезненным толчком.

В 19:30 Хэзел села на своё обычное место у окна и уставилась на песочные часы. Пушкин видел её профиль — острый, напряжённый. Она шевелила губами, считая секунды. Потому что цифры — это единственное, во что она верила. Потому что если натикает определённое количество — можно будет запаниковать легально. По науке.

Феннек перестал жонглировать. Его шишки валялись под столом — две сосновые, одна кедровая. Обычно он никогда не оставлял их на полу. Говорил, что они заряжены удачей. Корделия притихла. Это само по себе было плохим знаком. Корделия не умела молчать — она либо говорила, либо лезла куда-нибудь, либо дралась. Если она молчала — значит, внутри неё что-то ломалось.

Брайр сидел на пороге, положив нож на колени, и бил дробь по лезвию пальцами. Тук. Тук. Тук. Он думал, что это звук решимости. Но это был звук нервов. Сноу забилась в угол у печки. Платок сполз с её плеч, открывая худую, почти прозрачную шею. Пушкин подошёл, поправил платок, сел рядом. Она прижалась к нему, положила голову на плечо. Её дыхание было горячим и прерывистым.

— Пуши, — прошептала она, — а мама... она ведь правда придёт?

Пушкин обнял сестру. Чувствовал, как бьётся её сердце — часто, слабо, как крыло бабочки.

— Правда, — сказал он.

— Обещаешь?

Пушкин посмотрел на окно. За ним уже сгущалась темнота. Лес чернел, как зрачок, в котором тонет свет.

— Обещаю, — сказал он.

Впервые в жизни он соврал Сноу. Потому что сам уже не верил. Воздух в норе стал густым. Как кисель. Как смола. Его трудно было вдыхать — лёгкие наливались свинцом после каждого глотка. Тишина за окном была не живой — не той, что дышит, спит, переворачивается с боку на бок. Эта тишина притаилась. Затаила дыхание. Прижалась к стенам и ждала.

В 20:15 Хэзел встала, подошла к двери и прижалась ухом к щели.

— Ничего не слышно, — сказала она. — Совсем.

— Потому что рано, — ответил Брайр. — Она сказала — до темноты. Ещё светло.

— Уже не светло, — сказала Хэзел.

Брайр посмотрел в окно. Промолчал.

В 20:30 Корделия заплакала. Тихо, в ладонь, чтобы никто не слышал. Но Пушкин слышал. У него уши ловили даже то, что не предназначено для чужих ушей.

В 20:45 Феннек попытался пошутить. Что-то про барсука и капусту. Никто не засмеялся. Он замолчал на полуслове и уткнулся носом в стол.

В 21:00 Брайр не выдержал. Он вскочил так резко, что нож выпал из его лап и с лязгом покотился по полу. Стул опрокинулся. Все вздрогнули.

— Всё, — сказал Брайр. — Я иду.

— Нет! — Хэзел бросилась к нему, схватила за рукав. — Не смей! Мама сказала не выходить!

— А если она лежит там? — Брайр вырвал руку. — Раненая? Или хуже? Я не буду сидеть здесь, как... как... Он не договорил. Но все поняли. Как трусы.

— Статистика, — забормотала Хэзел, хватаясь за цифры как за спасательный круг. — Самостоятельные поиски в тёмное время суток в девяноста семи процентах случаев заканчиваются...

Она замолчала.

— Чем заканчиваются? — спросила Корделия шёпотом.

Хэзел не ответила. Потому что не могла произнести это вслух. Потому что если произнести — страх станет настоящим. А настоящий страх нельзя упаковать в проценты.

— Я с тобой, — сказала Корделия, вставая.

— И я, — сказал Феннек, хотя его коленки дрожали.

— Сядьте, — сказал Брайр. — Я один.

— Нет, — сказал Пушин.

Все посмотрели на него. Он удивился собственному голосу — он прозвучал твёрже, чем он себя чувствовал.

— Ты пойдёшь? — спросил Брайр с вызовом.

— Нет, — сказал Пушин. — Никто никуда не пойдёт. Мы будем ждать.

— Ты трус, — сказал Брайр.

— Да, — сказал Пушин. — Трус. Который услышит её шаги раньше, чем ты выйдешь за порог.

Брайр открыл рот, чтобы ответить. И в этот момент все услышали шаги. Снаружи. У самой двери. Медленные. Тяжёлые. Не мамины.

Лайнора ступала легко — даже по сухим веткам она проходила так, будто шла по мху. У неё лапы привыкли к тишине, к осторожности, к тому, что лес слышит каждый звук и запоминает его надолго.

У того, кто подошёл к их двери, не было привычки к тишине. Он шёл так, будто хотел, чтобы его услышали. Шаг. Пауза. Шаг. Пауза. Шесть шагов — и затишье прямо перед порогом.

Дети замерли. Все. Даже Брайр перестал дышать. Корделия зажала рот ладонью. Феннек вцепился в стол так, что побелели костяшки. Хэзел закрыла глаза — как будто если не видеть, то ничего не происходит. Сноу прижалась к Пушину, и он почувствовал, как её тельце бьёт мелкая дрожь.

Тишина. А потом — звук. Не скрип. Не шорох. Не стук ветки о стену. Тук. Металлический. Глухой. Будто по двери ударили обухом топора.

Пушин знал все звуки их дома. Знал, как скрипит половица у печки (третья слева, на ней прогиб). Знал, как звенит заслонка, если её задеть локтем. Знал, какую песню поёт чайник, когда вода закипает. Этого звука он не знал.

Тук. Тук.

— Детки... — сказал голос за дверью. — Откройте... это я...

Голос Лайноры. Но не её. Пушин не мог объяснить разницу. Голос был правильным — тем же тембром, той же высотой, теми же интонациями. Но в нём не было того, что делало голос материнским.

Не было тепла. Не было усталости. Не было той едва заметной хрипотцы, которая появлялась к вечеру, когда она много говорила. Этот голос был чистым. Гладким. Как лёд.

— Мама? — Брайр сделал шаг к двери.

— Пароль! — Хэзел выкрикнула это так громко, что Пушин вздрогнул. — Спой пароль!

Тишина за дверью затянулась. Потом — тихий, костяной перезвон. Как будто кто-то провёл пальцами по рёбрам скелета. Чжинь-чжинь-чжинь. Голос за дверью изменился. Стал ласковым. Слишком ласковым. Липким, как смола.

— Пушинчик... — пропел он. — Мой хороший мальчик... открой... я принесла тебе гостинец... самую сладкую, хрустящую репку...

Сердце Пушина остановилось. «Пушинчик». Так его не звала мать. Никогда. Она звала его «мой зайка». Или просто «Пушин». Когда сердилась — «Пушин, чтоб твои уши...». «Пушинчик» сказал ему однажды старый барсук на ярмарке. Сказал — и попытался укусить. У него были гнилые зубы и гнилая память.

Репка. Пушин любил репку. Больше морковки. Но он никому об этом не говорил. Только шепнул Сноу прошлой зимой, когда они лежали под одеялом и он рассказывал ей, что будет есть, когда вырастет и станет главным добытчиком в семье. Это был секрет. Их с ней. Откуда он знал? Он знал всё. Он — не мама.

— Не открывай, — сказал Пушин, и его голос прозвучал чужим. Сухим. Сломанным. — Брайр, стой. Это не мама.

Брайр замер. Его лапа уже лежала на засове.

— Она не знает пароля, — сказал Пушин. — Она не назвала меня «мой зайка». И про репку... про репку знали только я и Сноу.

— А если это проверка? — спросил Брайр. В его голосе слышалась надежда. Отчаянная, детская надежда. — Если она просто хочет убедиться, что мы помним правила?

— Тогда она спела бы песню, — сказала Хэзел. — Она сама придумала это правило. Она бы не нарушила его.

— Но она замёрзнет! — Брайр почти кричал. — На улице холодно! А если на неё напали? Если она ранена и забыла слова?

— Она не забыла бы, — сказал Пушин. — Никогда.

Дети стояли так, наверное, целую вечность. Брайр — у двери с рукой на засове. Хэзел — в метре от него, готовая броситься наперерез. Пушин — посреди комнаты, с Сноу, вцепившейся в его ногу.

За дверью было тихо. Слишком тихо. Потом голос сказал — уже не ласково, не сладко, а ровно, без всякой интонации, как читают заклинание:

— Пушин. Открой. Я твоя мать. Я приказываю.

И Пушин понял. Это не проверка. Не ошибка. Не лесной дух, который решил пошутить. Это охотник. Который знал их имя. Их пароль. Их тайны. И который уже понял, что они не откроют. Потому что голос за дверью затих. А потом раздался удар.

Не лапой, не кулаком — всем телом. Дверь прогнулась, заскрипели петли. Щепка отлетела от косяка.

— Бельчатник, — прошептала Хэзел. — Отойдите от двери.

Слишком поздно. Дверь распахнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.